

В. В. Намнясева, В. И. Борисов

ПОНЯТИЕ ПОДКУПА И ПРИНУЖДЕНИЯ В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 302 И 309 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

В статье анализируются формы уголовно наказуемого воздействия на лиц, дающих показания, эксперта, специалиста и переводчика. Разбираются два предусмотренных уголовным законодательством деяния — подкуп и принуждение, различные по общественной опасности и обладающие специфическими признаками. Определяются содержание рассматриваемых понятий, момент окончания преступлений, предусмотренных ст. 302 и 309 Уголовного кодекса РФ, способы их совершения.

Ключевые слова: преступления против правосудия, подкуп, принуждение, противоправное воздействие, предмет подкупа, момент окончания преступления, передача, участники уголовного процесса, насилие, склонение, свобода выбора.

V. V. Namnyaseva, V. I. Borisov

THE CONCEPT OF BRIBERY AND DURESS AMONG THE ELEMENTS OF CRIMES STIPULATED BY ARTICLES 302 AND 309 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article the authors analyze the forms of penal influence on those persons giving evidence, an expert, a specialist, and an interpreter. They consider such two actions stipulated by criminal legislation as bribery and duress which are different in terms of social danger and possess different specific features. Besides, the authors determine the content of these concepts, the termination time of crimes stipulated by Articles 302 and 309 of the RF Criminal Code, and ways of their commission.

Keywords: crimes against justice, bribery, duress, unlawful influence, object of bribery, termination time of a crime, transfer, participants of criminal proceedings, violence, incitement, freedom of choice.

Противоправное воздействие на лиц, дающих показания (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого), эксперта, специалиста или переводчика объективно создает препятствия для осуществления судопроизводства. Подкуп и принуждение негативно сказываются на установлении истины по делу. Даже в тех случаях, когда лицо противоправными способами принуждается к даче правдивых показаний, происходит посягательство на интересы правосудия, поскольку использование доказательств, полученных с нарушением федерального законодательства, не допускается при осуществлении судопроизводства. Противоправное воздействие на лиц, дающих показания, эксперта, специалиста и переводчика характеризуется разнообразием

форм, но осуществляется путем совершения двух предусмотренных уголовным законодательством деяний — подкупа и принуждения, различных по общественной опасности и обладающих специфическими признаками.

Остановимся вначале на понятии подкупа. В теории уголовного права существуют две основные позиции, определяющие данное деяние. Ряд авторов считает, что подкупом может быть признано только фактическое предоставление выгоды имущественного характера как платы за выполнение подкупаемым определенных действий (бездействий) в пользу подкупающего лица. Так, В. П. Малков указывает, что под подкупом понимается вручение виновным лично или через посредника указанным лицам денег, ценных бумаг, иного имущества либо оказание им

услуг имущественного характера за дачу ими ложных показаний на предварительном расследовании дела или при рассмотрении его в судебном заседании, а равно за дачу ложного заключения или осуществление неправильного перевода. Рассматриваемое преступление следует считать оконченным с момента принятия свидетелем, потерпевшим, экспертом, переводчиком денег, иных ценностей или услуг имущественного характера [1]. М. Н. Голоднюк считает, что подкуп имеет место в случаях передачи денег, вещей, иных материальных ценностей либо предоставления выгод имущественного характера и признается оконченным с момента получения свидетелем, потерпевшим, экспертом или переводчиком хотя бы части вознаграждения за дачу ложных показаний, заключения, осуществления неправильного перевода [2]. А. Калашникова также полагает, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 309 УК РФ, следует признавать оконченным с момента принятия предмета подкупа, а достижение соглашения между подкупаемым и субъектом преступления о получении материальных выгод за дачу ложных показаний или дачу ложного заключения следует рассматривать как покушение на подкуп [3]. А. В. Наумов отмечает, что подкуп считается оконченным с момента передачи материального вознаграждения свидетелю, потерпевшему, эксперту или переводчику независимо от того, совершили эти участники процесса оговоренные с подкупающим лицом действия или нет [4].

Л. В. Лобанова подчеркивает, что подкуп — лишь фактическое предоставление выгоды имущественного характера, так как в ряде статей УК РФ (например, ст. 184, 204) понятие подкупа связывается с незаконной передачей денег и других предметов, а многозначности терминов в УК РФ быть не должно [5]. Эта позиция согласуется с положениями Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», в п. 11 которого указано, что дача и получение взятки и коммерческого подкупа считаются оконченными с момента принятия получателем хотя бы части

передаваемых ценностей. В случаях отказа получателя принять предмет подкупа либо когда обусловленная передача не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, пытавшихся передать или получить предмет подкупа, содеянное следует квалифицировать как покушение на подкуп. А. С. Горелик, соглашаясь с данной точкой зрения, указывает, что «обещание или предложение вознаграждения за ложные показания следует квалифицировать как покушение на подкуп по ч. 3 ст. 30 и ст. 309 УК РФ. Такое решение представляется правильным еще и потому, что фактическое оказание услуги воздействует на получателя более эффективно, чем обещание сделать это в будущем (тем более что такое обещание может быть и не выполнено)» [6].

Сущность иного подхода к определению подкупа состоит в том, что в объем данного понятия включается также и обещание передать какие-либо материальные ценности или предоставить услуги материального характера. Так, например, А. В. Горбунов определяет понятие криминального подкупа как вручение, предоставление или обещание предоставления дающим лицом материальных благ, выгод имущественного характера либо оказание услуг материального содержания и принятие подкупаемым лицом имущества, пользование выгодами и услугами материального характера как платы за выполнение подкупаемым определенных действий (бездействие) в пользу подкупающего лица [7]. А. П. Севрюков полагает, что подкуп состоит в склонении участников процесса к даче ложных показаний либо ложного заключения, либо совершения неправильного перевода и сводится к обещанию или фактической передаче материальных ценностей (выплате денег, освобождению от уплаты налога, иных платежей, предоставлению всякого рода имущественных выгод) самим виновным либо уполномоченным им на то лицом. Преступление считается оконченным с момента достижения соглашения между виновным и указанным в ч. 1 ст. 309 УК РФ лицом о даче ложного показания, ложного заключения, осуществления неправильного перевода. Само вознаграждение

может быть выплачено и после желательных для субъекта действий. Фактическое исполнение достигнутой договоренности не включается в состав комментируемого преступления. Если названные лица отказываются принять предмет подкупа, то содеянное необходимо квалифицировать как покушение [8].

Т. В. Кондрашова указывает, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 309 УК РФ, считается оконченным с момента, когда между виновным и подкупленным достигнуто соглашение о даче ложных показаний, заключения или о неверном переводе. Само вознаграждение может быть выплачено и после желательных для субъекта действий [9].

А. И. Чучаев включает в объем подкупа как материальное вознаграждение лично или через посредников (выплата денег, передача ценностей, освобождение от уплаты долга, предоставление материальных выгод иного рода) свидетелю, потерпевшему, эксперту или переводчику за дачу ими ложных показаний, заключения или неправильного перевода, так и обещание виновного предоставить указанным лицам корыстную выгоду имущественного характера в будущем [10]. Возвращаясь к этой проблеме, А. И. Чучаев в совместной с А. Федоровым работе критикует позицию о признании преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 309 УК РФ, оконченным с момента принятия предмета подкупа. В качестве аргумента указывается, что рекомендация рассматривать соглашение о приеме предмета подкупа как покушение на анализируемое преступление может создать парадоксальную ситуацию: при договоренности о передаче предмета подкупа после дачи ложных показаний или заключения цель подкупа будет реализована (например, эксперт дал ложное заключение), но деяние будет признаваться не оконченным преступлением, а лишь покушением на подкуп [11]. Аналогичная точка зрения ранее уже высказывалась в уголовно-правовой литературе [12].

В поддержку данной позиции приводятся и иные доводы. Так, М. В. Рудов полагает, что поскольку преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 309 УК РФ, представляет собой частный случай

подстрекательства к даче ложных показаний, то и такой способ подстрекательства, как подкуп, применительно к данному составу должен трактоваться так же, как он трактуется в рамках подстрекательства. Данный термин определяется как всякое склонение к совершению преступления путем обещания материальных выгод, передачи денежных средств или имущества, освобождения от имущественных обязательств, предложения заключить выгодную сделку и тому подобные действия. В силу этого, считает М. В. Рудов, подкуп надлежит полагать оконченным именно с момента обещания осуществить передачу каких-либо материальных ценностей, оказать услуги или освободить от материальных обязательств, если он совершается в целях склонения к даче ложных показаний, заключения или выполнения неправильного перевода [13].

Нам представляется более правильной, более убедительной именно данная точка зрения. Соглашаясь с приведенными в ее поддержку доводами, хотелось бы также отметить следующее. При подкупе субъект убеждает лицо совершить в его интересах конкретные действия (или отказаться от их совершения) из корыстных побуждений. Интересы правосудия в сфере обеспечения процессуального порядка получения доказательств и установления истины по делу становятся объектом преступного посягательства именно с того момента и именно в результате того, что подкупаемое лицо согласилось принять незаконное вознаграждение за дачу ложных показаний, ложного заключения или иное нарушение обязанности содействовать осуществлению правосудия. Поэтому, на наш взгляд, подкуп означает склонение лица совершить в интересах подкупающего конкретные действия (или отказаться от их совершения) как путем фактического предоставления предмета подкупа, так и путем обещания его предоставить. Данное преступление должно признаваться оконченным с момента заключения соглашения о приеме предмета подкупа в обмен на соответствующие действия (бездействия) подкупаемого. Момент окончания преступления не зависит в данном случае ни от фактического приема предмета подкупа, ни от фактического

исполнения достигнутой договоренности. Если же подкупаемый отказывается принять предмет подкупа и совершить требуемые действия, то содеянное необходимо квалифицировать как покушение на данное преступление.

Однако при решении этого вопроса нельзя не согласиться с позицией Л. В. Лобановой, которая указывает на то, что многозначности терминов в уголовном кодексе быть не должно. Поскольку приведенная аргументация уместна и при рассмотрении иных видов подкупа, за которые предусмотрена уголовная ответственность (подкупа участников и организаторов зрелищных мероприятий, коммерческого подкупа и т. д.), целесообразно пересмотреть вопрос о моменте окончания указанных преступлений.

Вторым базовым понятием, нуждающимся в определении при характеристике объективной стороны исследуемых составов, является понятие принуждения. Исследованием явления принуждения в различных аспектах занимаются философы, социологи, правоведы. Эта тема всегда была и остается актуальной и дискуссионной. Если обратиться к юридической литературе, то принуждение является предметом рассмотрения теории государства и права, конституционного, административного, уголовного права, уголовного процесса. В данном исследовании представляется нецелесообразным подробно останавливаться на всех дискуссионных моментах, связанных с характеристикой этого явления. Предметом нашего рассмотрения будут только те аспекты, которые связаны с характеристикой принуждения как уголовно-наказуемого деяния.

Если обратиться к значению слова «принуждение», то в современном русском языке оно связано с глаголом принудить, т. е. заставить кого-либо сделать что-нибудь против его воли и желания [14], поставить его перед необходимостью или неизбежностью совершить что-либо, поступить определенным образом. Следовательно, в результате принуждения свобода выбора для лица, на которое оказывается воздействие, либо полностью исключается, либо существенно ограничивается. Выполнение определенных действий (бездействия) становится

единственной возможностью избежать неблагоприятных для данного лица последствий, выражающихся в нарушении его правоохраняемых интересов. При определении понятия принуждения как социального явления согласимся с точкой зрения тех ученых, которые полагают, что принуждение в общем смысле может рассматриваться как «снятие самостоятельности индивидуальной воли», т. е. воздействие одного лица (принуждающего) на другое лицо (принуждаемого) в целях заставить его действовать (или бездействовать) вопреки собственной воле [15].

В словаре синонимов русского языка отмечается, что понуждение, принуждение, сила, давление, нажим — термины одного синонимического ряда [16]. Ряд авторов употребляет термины «физическое принуждение» — «физическое насилие», «психическое принуждение» — «психическое насилие» как взаимозаменяемые. Так, например, В. П. Петрунев полагает, что принудить человека — это заставить его что-то сделать, но не по доброй воле, а насильно. Насилие понимается как применение силы для достижения чего-нибудь, принудительное воздействие на кого-нибудь, вопреки его желаниям. Далее В. П. Петрунев отмечает, что принуждение включает две формы проявления — физическое и психическое насилие [17]. Этой же позиции придерживается М. В. Руднев, который, характеризуя объективную сторону состава преступления, сформулированного в ст. 302 УК РФ, считает, что она включает обе формы принуждения — физическое и психическое [18].

Однако необходимо отметить, что с точки зрения уголовного права принуждение и насилие не являются тождественными понятиями. Принципиальное отличие этих явлений обусловлено обязательной целью принуждения — заставить принуждаемого поступить определенным образом против его воли. Насилие само по себе такой цели не преследует. Насилие — как физическое, так и психическое — может выступать способом принуждения. Однако принуждение может осуществляться и без применения насилия. Принуждение может быть как правомерным, так и противоправным, в то

время как насилие — всегда противоправное деяние. Принуждение, связанное с насилием, характеризуется, по нашему мнению, двумя составляющими: требованием выполнить волю принуждающего и применением физического или психического насилия как средства подавления воли принуждаемого и обеспечения выполнения им предъявляемого требования.

Обратимся к иным взглядам на понятие принуждения. В уголовно-правовой литературе при описании принуждения к даче показаний высказывалась точка зрения, что принуждение выступает родовым, базовым понятием для угроз, шантажа, иных незаконных действий, насилия, пыток и издевательства и определяет их объем и содержание [19]. По нашему мнению, И. Ю. Бунева допускает некоторую неточность. Перечисленные действия выступает именно способом осуществления принуждения, а не его составляющими.

В. В. Иванова, характеризуя принуждение, определяет его как воздействие на лицо против его воли, ограничивающее свободу выбора варианта поведения, имеющее целью заставить действовать согласно воле принуждаемого. «Принуждение, — полагает она, — наряду с насильственными действиями, угрозами насилием, уничтожением или повреждением имущества принуждаемых или их близких, шантажом включает в себя и иные незаконные действия, например, обман» [20].

Если изучить уголовно-правовую литературу, связанную с анализом составов преступления, предусматривающих принуждение в качестве составообразующего признака, то можно сделать вывод, что различные авторы, наряду с физическим и психическим насилием включают в содержание принуждения или признают его способами самые разнообразные деяния. К ним относятся обещание продвижения по службе, незаконное ограничение (нарушение) прав, использование фальсифицированных доказательств, подкуп [21], угрозы изменить меру пресечения на более строгую, ухудшить условия содержания под стражей [22], угроза привлечения к уголовной ответственности за более тяжкое преступление [23], угроза лишить свиданий или передач [24],

обман [25], обещание представить к поощрению [26] и даже советы [27].

По нашему мнению, наиболее распространенными и действенными способами осуществления принуждения выступают именно физическое и психическое насилие. Однако ими способы принуждения не исчерпываются. Можно заставить человека совершить определенные действия (или воздержаться от их совершения) против его воли и иными методами — например, путем противоправного воздействия на имущество принуждаемого, или путем ущемления его законных прав и интересов. Однако расширять до бесконечности перечень способов принуждения недопустимо. Ряд психологических приемов воздействия (в том числе и противоправных), которые, несомненно, могут быть использованы для склонения лица к определенному поведению, относятся скорее к убеждению, чем к принуждению. Они не лишают лицо свободы выбора варианта поведения, не становятся существенным препятствием для возможности такого выбора. К таким приемам, на наш взгляд, следует относить подкуп, уговоры, обещания и другие аналогичные деяния. Это подтверждается и анализом судебной практики.

Так, судом Ханты-Мансийского автономного округа осуждены: заместитель начальника следственного отделения ГОМ-3 УВД г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа Киричек по ч. 3 ст. 303 УК РФ, ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 307 УК РФ, адвокат Шитов по ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 303 УК РФ, ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 307 УК РФ.

Для освобождения виновного в совершении разбоя Кубрака, защиту которого осуществлял Шитов, Киричек и Шитов оказали психологическое давление путем уговоров и обещаний на потерпевшую Панченко и заставили ее изменить свои первоначальные показания об опознании Кубрака, обещая возместить материальный ущерб. После этого Киричек изготовил не соответствующий действительности протокол допроса потерпевшей Панченко [28].

Таким образом, адвокат Шитов и следователь Киричек заставили потерпевшую изменить показания путем уговоров и обещаний, что было признано судом именно подстрекательством к

даче заведомо ложных показаний, а не принуждением к даче показаний. Обещание адвокатом Шитовым 15 тысяч рублей и передача части оговоренной суммы не было признано подкупом, так как речь шла о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, принуждение применяется специальным субъектом — лицом, осуществляющим производство предварительного расследования, или иным лицом с его ведома или молчаливого согласия. В процессе производства следственных действий лицо, их осуществляющее, может применить принуждение в целях получения желаемого результата. Однако это принуждение должно быть правомерным. Должностное лицо имеет право путем различных законных тактических приемов и средств воздействовать на сознание и волю человека с целью получить от него объективную информацию. Если же применяются способы, прямо указанные в диспозиции ст. 302 УК РФ, то принуждение выходит за рамки правомерного и становится незаконным, влекущим уголовную ответственность.

Иные лица также могут воздействовать на лиц, дающих показания, эксперта, специалиста и переводчика. Способы принуждения, влекущие уголовную ответственность по ст. 309 УК РФ, прямо указаны в диспозиции данной нормы.

Список библиографических ссылок

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева (автор раздела — В. П. Малков). М., 2001. С. 776.
2. Курс уголовного права. Особенная часть: учебник для вузов. Т. 5 / под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комисарова (автор главы — М. Н. Голоднюк). М., 2002. С. 178—179.
3. Уголовная ответственность за преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой (автор главы — А. Калашникова). М., 2003. С. 175.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2-х т. Т. 2. Особенная часть. М., 2004. С. 712.
5. Лобанова Л. В. Уголовная ответственность за ложную информацию и понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию. Волгоград, 1997. С. 56.
6. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 328.
7. Горбунов А. В. Уголовно-правовая характеристика подкупа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2000. С. 18.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / под общ. ред. В. В. Мозякова (автор комментария к ст. 309 УК РФ — А. П. Севрюков). М., 2003. С. 743.
9. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова (автор главы — Т. В. Кондрашова). М., 1998. С. 646.
10. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога (автор главы — А. И. Чучаев). М., 1996. С. 406.
11. Чучаев А., Федоров А. Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу // Законность. 2004. № 7. С. 11.
12. Зеренков Э. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты подкупа и принуждения к лжесвидетельству и уклонению от дачи показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 1999. С. 28.
13. Рудов М. В. Уголовно-правовые средства охраны истины в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 141—142.
14. Русский сематический словарь: в 4 т. Т. IV / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М, 2007.
15. Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Гос-во и право. 2004. № 12. С. 10.
16. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969. С. 418.
17. Петрунев В. П. О понятиях уголовно наказуемого психического принуждения // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. М., 1991. С. 54—56.
18. Рудов М. В. Уголовно-правовые средства охраны истины в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 123.
19. Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2000. С. 52—53.
20. Иванова В. В. Преступное насилие: учеб. пособие для вузов. М., 2002. С. 49—50.
21. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога. М., 2004. С. 127.
22. Чучаев А. И. Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. С. 34.
23. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 1997. С. 630.
24. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998. С. 634.
25. Чучаев А., Дворянсков И. Ответственность за принуждение к противодействию осуществлению правосудия // Законность. 2001. № 4. С. 13.

26. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2005. С. 318.
27. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко и др. М., 2001. С. 158.
28. Бюллетень Верховного суда РФ. 2006. № 4. С. 21—23.

© В. В. Намнясева, В. И. Борисов, 2011